

УДК 902(517)

ББК 63.48(5Мон)

Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии*

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Horse-Bits and Cheek-Pieces from Early Medieval Turkic Burials of Mongolia

N.N. Seregin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен опыт систематизации и анализа одной из показательных категорий предметов конского снаряжения — удила и псалиев, обнаруженных в ходе раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии. Такие изделия найдены в более чем 20 объектах, исследованных в разных частях страны. В большинстве случаев это были погребения с лошастью, значительно реже — захоронения без животного. Классификация удила и псалиев позволила выделить восемь типов изделий, демонстрирующих особенности морфологии предметов. Все находки имеют многочисленные аналогии в материалах раскопок тюркских комплексов Алтае-Саянского региона, а также синхронных памятников на сопредельных территориях. Установлено, что в захоронениях Монголии представлены удила и псалии, демонстрирующие развитие данного элемента конского снаряжения на протяжении VII–X вв. Заметно отсутствие ранних форм изделий, получивших распространение на начальных этапах развития рассматриваемой общности и известных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона. Наряду с этим зафиксированы комплекты, отражающие влияние на тюрок других групп кочевников в конце I тыс. н.э. Сопоставление результатов анализа предметов конского снаряжения с показателями погребальной обрядности кочевников позволит более подробно рассматривать сложные этнокультурные процессы, происходившие в различных частях Монголии в период раннего Средневековья.

Ключевые слова: тюрки, Монголия, конское снаряжение, удила, псалии, раннее Средневековье, анализ.

The article concerns systematization and analysis of one of the demonstrative categories of horse equipment — horse-bits and cheek-pieces, found during excavations of the burial complexes of the early medieval Turks in Mongolia. Such products were found in more than 20 sites, investigated in different parts of the country. In most cases these were burials with a horse, and sometimes individual graves without an animal. Classification of horse-bits and cheek-pieces allowed distinguishing eight types of products demonstrating features of the morphology of objects. All finds have numerous analogies in the materials of excavations of the Turkic complexes in the Altai-Sayan region, as well as in synchronous sites in adjacent territories. The author establishes that horse-bits and cheek-pieces from Mongolian burials demonstrate the development of this element of horse equipment during the 7th — 10th centuries AD. An important indicator is the absence of early forms of products, which were spread at the early stages of Turkic culture and known in the adjacent territories of the Altai-Sayan region. In addition, sets reflecting the influence of other nomad groups on Turks at the end of the 1st millennium AD were recorded. Comparison of the results of the analysis of horse equipment with the indicators of the funeral rites will allow us to thoroughly consider the complex ethno-cultural processes that took place in various parts of Mongolia during the early Middle Ages.

Keywords: Turks, Mongolia, horse equipment, horse-bits, cheek-pieces, early Middle Ages, analysis.

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-29

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а.

К настоящему времени в результате археологических исследований, проведенных специалистами из различных научных центров, на территории Монголии раскопано около 50 погребений раннесредневековых тюрков. Разноплановый анализ этих материалов, значительная часть которых до сих пор не введена в научный оборот или опубликована лишь частично, имеет большое значение для детализации целого ряда аспектов истории кочевников. Важным направлением работы является системное изучение предметного комплекса кочевников, что позволит представить особенности материальной культуры раннесредневекового населения региона, конкретизировать вопросы хронологии памятников, а также расширить возможности реконструкции сложных этнокультурных процессов на обозначенной территории. В настоящей статье представлен опыт анализа удил и псалиев, обнаруженных в ходе раскопок погребений тюрков Монголии.

Удила и псалии, предназначенные для управления верховой лошадью, являются важной частью конского снаряжения. Такие находки получили довольно широкое распространение в памятниках тюрков Монголии. Они обнаружены более чем в 20 объектах раннесредневековых кочевников рассматриваемой общности. В большинстве случаев это были погребения с лошадью: Бишрэлтийн-ам (курган №6), Джаргаланты (курган №2), Моностын хотол, Наинтэ-Суме, Овор Хавцал, Сыргаль-II (курган №5), Сыргаль-III (курган №3), Тарималт (курган №2), Увгунт, Угемур (курган №2), Хутаг-Уул, Цаган-Хайрхан-Уул (курган №7), Узуур-гялан и др. [1, табл. IV.-34-35; 2, рис. 7.-3-4; 3, рис. 5; 4, рис. 5.-10; 5, с. 111, рис. 12; 6, рис. 4; 7, с. 182, рис. 15-16; 8, рис. 10; 9, с. 149, 153]. При этом удила и/или псалии зафиксированы и в некоторых объектах без животного — в двух скальных объектах Арцат Дэл и Шивээт Цанхир-I [10, рис. 1.-8; 11, рис. 62а; 12, рис. 5], а также в одном ритуальном захоронении ло-

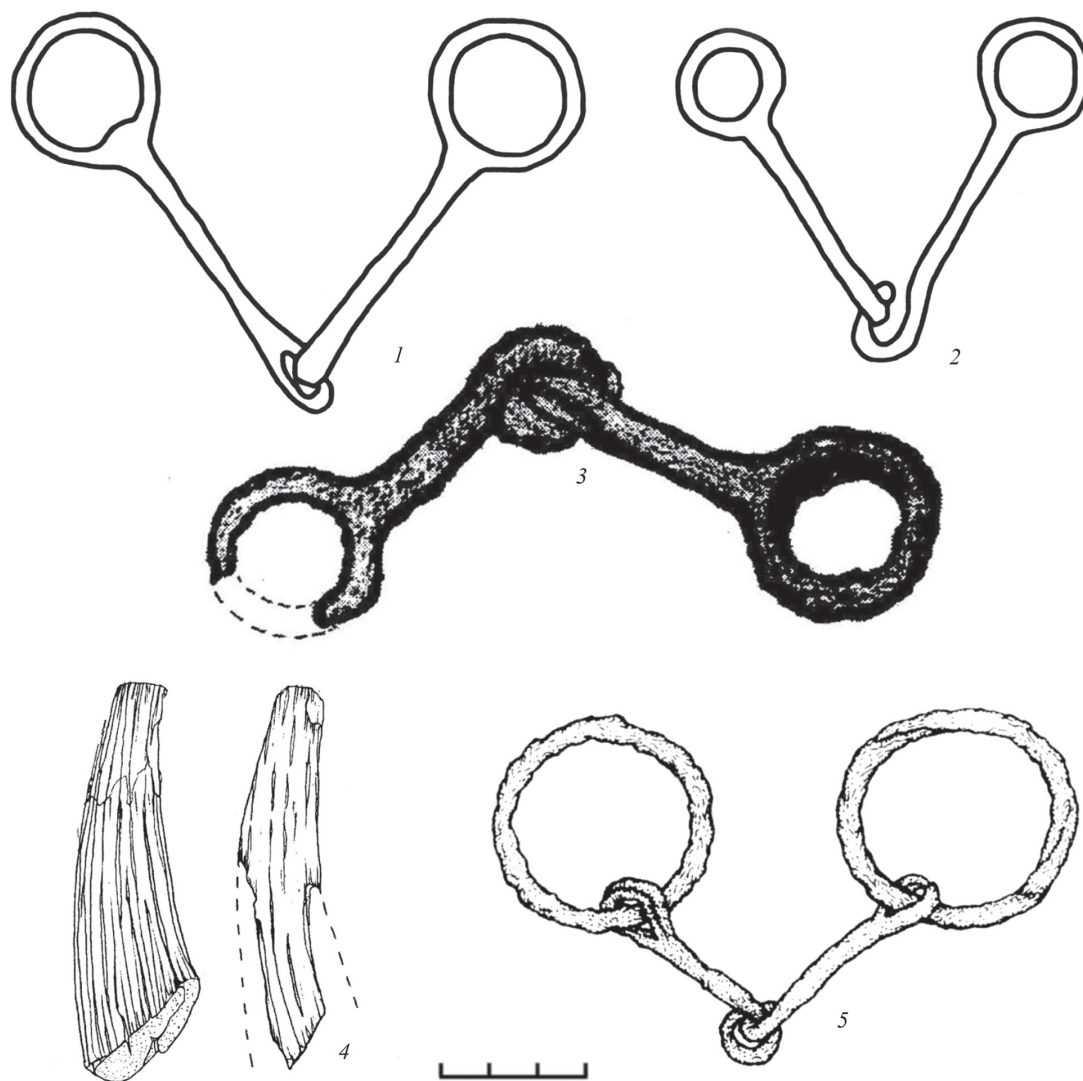

Рис. 1. Удила и псалии из тюркских комплексов Монголии (по: [14, рис. 1.-13-14; 4, рис. 5.-10; 10, рис. 1.-8; 5, рис. 12])

шади Наймаа-Толгой, вероятно, представлявшем собой кенотаф [13, fig. 42]. Кроме того, известны находки рассматриваемых элементов конского снаряжения в разрушенных объектах Аргаан-гол и Гол Мод [13, fig. 32; 14, рис. 1.-13-14, 21]. Отметим, что удила и псалии отсутствовали в восьми погребениях с конем, что в большинстве случаев связано с ограблением комплекса либо с плохой сохранностью материалов.

Как известно, в средневековой археологии Евразии выработаны два основных подхода к классификации удил и псалиев: во-первых, отдельное рассмотрение изделий с последующим выявлением тенденций взаимовстречаемости выделенных типов, во-вторых, их анализ в качестве одного комплекта. Второй вариант систематизации предметов использовался почти всеми исследователями при изучении материалов из памятников раннесредневековых тюрок [15, с. 80–84; 16, с. 70; 17, с. 119–122; 18, с. 92–93]. Главным доводом в пользу данного подхода является то, что удила и псалии чаще всего обнаружены в наборе, и именно сочетание форм изделий демонстрирует основные тенденции их эволюции на протяжении второй половины I тыс. н.э.

Типологическому анализу были подвергнуты 12 комплектов изделий, а также четыре экземпляра удил и один набор псалиев, обнаруженных в ходе раскопок комплексов раннесредневековых тюрок Монголии^{*}. Все предметы отнесены к одной *группе* — железные двусоставные удила. Выделение разделов основывается на учете особенностей оформления стержней звеньев удил (гладкие или витые). Отдел учитывает вариабельность внешних окончаний удил (однокольчатые, удила с дополнительным кольцом для повода, восьмерковидные, крюковые). Тип характеризует общую форму, особенности оформления и материал псалиев.

Раздел 1. Удила с гладкими стрежнями звеньев.

Отдел 1. Однокольчатые удила со звеньями, заканчивающимися одним цельным кольцом.

Тип 1. Удила, обнаруженные без псалиев. Не исключено, что последние были изготовлены из органических материалов или утеряны в результате ограбления комплекса. В памятниках тюрок Монголии известны три таких экземпляра из комплексов Аргаан гол и Шивээт Цанхир (рис. 1.-1-3).

Тип 2. Удила с кольчатými ложновитыми псалиями. Диаметр псалиев составляет около 5 см. Известен один подобный комплект, обнаруженный в погребении Цаган-Хайхан-Уул (рис. 1.-5).

Тип 3. Удила со слабоизогнутыми S-видными псалиями со скобами в середине. Окончания псалиев простые — слегка заостренные или прямые. Один

такой комплект зафиксирован в ходе раскопок памятника Гол Мод.

Тип 4. Удила с роговыми псалиями «клыковидной» формы. Данный тип выделен по материалам раскопок комплекса Тарималт (рис. 1.-4), где псалии обнаружены без удил. При этом практически во всех подобных случаях клыковидные псалии фиксируются в наборе именно с такими удилами.

Отдел 2. Удила с дополнительным кольцом во внешнем конце звеньев, предназначенным для крепления повода.

Тип 5. Удила с S-видными слабо изогнутыми псалиями со скобой или петлей в середине. Окончания псалиев в большинстве случаев слегка заостренные. Подобные изделия обнаружены в комплексах Аргаан гол, Джаргаланты, Наймаа-Толгой, Сыргаль, Увгунт, Угемур (рис. 2).

Отдел 3. Крюковые удила, звенья которых завершаются крюком, образованным простым изгибом конца стержня. Экземпляры из рассматриваемой серии относятся к большекрючным удилам, окончания звеньев которых значительно превышают по размеру крюки или кольца соединений.

Тип 6. Удила, обнаруженные без псалиев. Не исключено, что последние были изготовлены из не сохранившихся органических материалов. Единственный экземпляр таких удил обнаружен в ходе раскопок комплекса Наинтэ-Суме у одной из захороненных лошадей.

Отдел 4. «Восьмерковидные» удила с перегибом в месте соединения неподвижных колец. Звенья удил оканчиваются двумя кольцами, которые расположены в одной плоскости. Размеры колец при этом различны: внутреннее в два раза больше внешнего. Подобное окончание звеньев удил образовывалось в результате винтообразного поворота цельного кольца.

Тип 7. «Восьмерковидные» удила с S-видными сильно изогнутыми железными псалиями со скобой посередине. Во внешнем окончании удил имеется дополнительное кольцо для крепления повода. Один конец псалиев оформлен в виде сапожка, а второй завершается небольшой шишечкой. Один подобный комплект обнаружен в ходе исследования скального погребения Арцат Дэл.

Раздел 2. «Витые» удила — изделия, стержни звеньев которых перевиты.

Отдел 1. «Восьмерковидные» удила с перегибом в месте соединения неподвижных колец, аналогичные экземплярам типа 7.

Тип 8. «Восьмерковидные» витые удила с роговыми изогнутыми псалиями. Один конец псалиев приострен, а другой оформлен в виде сапожка. Очевидно, подобные изделия копировали S-видные железные псалии. В погребениях Монголии известен один такой комплект, найденный в скальном захоронении Узуур-гялан.

^{*}Часть изделий не учтена в связи с отсутствием необходимой информации.

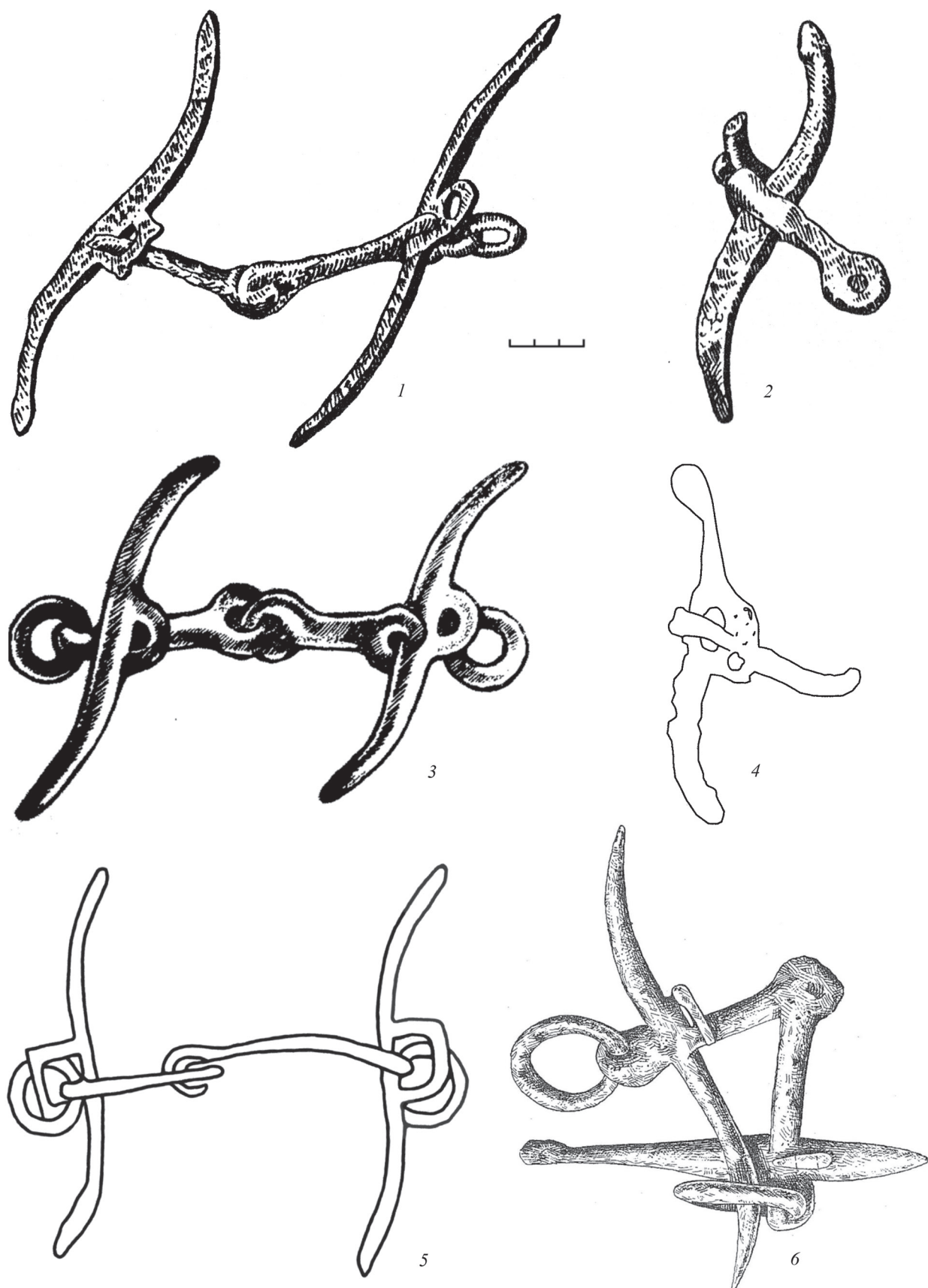

Рис. 2. Удила и псалии из тюркских комплексов Монголии
(по: [13, fig. 42; 14, рис. 1.-21; 2, рис. 7.-3-4; 3, рис. 5; 6, рис. 4;])

Удила и псалии, обнаруженные в погребениях Монголии, в большинстве случаев находят многочисленные аналогии в материалах раскопок тюркских памятников на сопредельных территориях, а также в синхронных комплексах других объединений кочевников. Сопоставление этих сведений позволяет уточнить период бытования конкретных типов изделий, а также обозначить некоторые аспекты этнокультурных контактов раннесредневековых народов Монголии.

Широкое распространение в раннем Средневековье получили однокольчатые удила с гладкими звеньями. Такие изделия бытовали у тюрков Центральной Азии начиная с раннего этапа существования культуры [19, с. 16, рис. 1] и до конца I тыс. н.э. [20, с. 134]. Подобные предметы в целом не являются датирующими, хотя некоторые направления их эволюции обозначены [21, с. 144–145]. Определение хронологии находок основывается главным образом на сочетании удил с различными видами псалиев.

В погребениях тюрков Монголии обнаружены различные комплекты подобных предметов. В ряде объектов зафиксировано отсутствие псалиев (тип 5), которые были выполнены из органических материалов и не сохранились либо изначально не были положены в захоронение. Примером псалиев, изготовленных из рога, являются находки из комплекса Тарималт, отнесенные к типу 4. Подобные предметы из памятников тюрков Алтае-Саянского региона, несколько различающиеся по форме, обычно обозначаются как «карандашевидные» [22, с. 97], или «клыковидные» [17, с. 120]. Роговые псалии такого типа, судя по имеющимся материалам, использовались уже на раннем этапе развития культуры тюрков во второй половине V — первой половине VI в. [23, рис. 9.-3; 24, рис. 5.-6]. При этом рассматриваемые экземпляры встречаются и в более поздних памятниках, датирующихся вплоть до конца I тыс. н.э., получив наибольшее распространение в объектах второй половины VII — первой половины VIII в. [25, рис. 19.-3; 26, рис. 9.-4; 27, рис. 117.-7; 17, табл. 60.-1–3, 86.-7–8, 102.-1–3]. Однокольчатые удила с S-видными псалиями, отнесенные к типу 3, получили широкое распространение в тюркских памятниках Центральной Азии начиная с VII в. [15, рис. 16; 20, с. 135; 22, с. 99]. Единственный подобный комплект из Монголии, обнаруженный в объекте Гол Мод, на основании облика псалиев (слабо изогнутые, с простыми заостренными или прямыми окончаниями) может быть отнесен ко второй половине VII — первой половине VIII в. Подобные же характеристики имеет большая часть псалиев, зафиксированных в сочетании с удилами, снабженными дополнительным кольцом для повода (тип 5). Такие находки существовали синхронно с однокольчатыми удилами, но большее распростра-

нение получили с VIII в. Облик псалиев из памятников Монголии позволяет отнести комплекты типа 5 ко второй половине VII–VIII вв.

Достаточно редкой находкой являются удила с кольчатыми ложновитыми псалиями, отнесенные к типу 2 изделий из погребальных комплексов тюрков Монголии. В работах последних десятилетий такие псалии рассматриваются как довольно поздняя форма изделий, бытовавшая начиная с VIII в. или даже с IX в. [20, с. 134; 22, с. 99]. Г.В. Кубарев [17, с. 122] отметил появление подобных предметов как результат инокультурных заимствований, не конкретизировав направление внешних контактов. При этом еще в обобщающей монографии А.А. Гавриловой [15, рис. 15.-2–3] удила с кольчатыми псалиями из тюркских комплексов отнесены к VII–VIII вв. Дискуссионность хронологии изделий данного типа требует более подробной характеристики имеющихся материалов.

На наш взгляд, наиболее ранней формой больших кольчатых псалиев, зафиксированных в раннесредневековых памятниках Центральноазиатского региона, являются витые или ложновитые изделия. Такие находки известны в комплексах кокэльской культуры Тувы сяньбийского времени [28, рис. 51.-8–9]. Наиболее архаичные для раннего Средневековья кольчатые витые псалии обнаружены в тюркской оградке комплекса Кудыргэ [29, рис. II.-5], которая на основании зафиксированных предметов, а также характерных конструкций относится ко второй половине V — первой половине VI в. Судя по имеющимся материалам подобные изделия бытовали у тюрков на протяжении VI–VII вв. Большая часть кольчатых витых или ложновитых псалиев обнаружена в памятниках Алтая [30, рис. 24; 31, рис. 5.-2; 32, рис. 1.-5; 33, рис. VI.-24; 34, рис. 53.-14; 35, рис. 5; 17, табл. 111.-1].

Кроме того, рассматриваемые элементы конского снаряжения отмечены в двух объектах, раскопанных на территории Тувы [36, рис. 5.-4; 37, рис. 7]. Архаичным элементом, зафиксированным на части находок, являются дополнительные восьмерковидные петли, схожие с предметами из памятников Алтая предтюркского времени [38, рис. 33.-5; 39, рис. 1.-9; 40, рис. 7.-8; 41, с. 491]. Рассмотренный выше комплект из Монголии (рис. 1.-5) по совокупности характеристик может быть отнесен к VII в. Гладкие кольчатые псалии продолжали использоваться тюрками и в более позднее время. Подобные экземпляры, сочетающиеся с однокольчатыми удилами, зафиксированы в памятниках VII — первой половины VIII в. [42, рис. 5.-1; 17, табл. 31.-8; 18, рис. 73.-6]. Кольчатые псалии, встреченные в редких тюркских комплексах конца I тыс. н.э. [43, табл. VI.-1; 44, рис. 2.-1, 4; 45, рис. 3.-2] и получившие распространение в памятниках кыргызской и сросткинской культур [46, рис. 2.-4; 47, рис. 2.-11; 48, рис. 4.-9; и др.],

в большинстве случаев сочетаются с витыми удилами, а также изделиями с восьмерковидными окончаниями звеньев.

Особым вариантом оформления удил являются изделия со звеньями, которые завершаются крюком. Единственная подобная находка из Монголии обнаружена без псалиев и отнесена к типу 6. Крюковые удила весьма редко зафиксированы в комплексах раннесредневековых тюрок [49, рис. 5.-42, 47; 22, рис. 41.-12-13; 17, табл. 119.-1]. Некоторые исследователи относят такие экземпляры к IX–X вв. [22, с. 94; 17, с. 122]. По мнению С.В. Неверова [21, с. 150–151], осуществившего детальный анализ значительного объема материалов, крюковые удила бытовали на территории Южной Сибири на протяжении всего I тыс. н.э., и подобные находки из раннесредневековых комплексов региона продолжают развитие местных форм изделий «гунно-сарматского» времени. Судя по общей датировке погребения Наинтэ-Суме, где предметы рассматриваемого типа обнаружены в составе экипировки одной из лошадей, они могут быть отнесены ко второй половине VII — первой половине VIII в.

Наиболее поздний вариант оформления рассматриваемых элементов конского снаряжения представляет комплект, обнаруженный в скальном погребении Узуур-гялан (тип 8). «Восьмерковидные» витые удила с роговыми изогнутыми псалиями с окончанием в виде сапожка не характерны для предметного комплекса тюрок раннего Средневековья. Подобных псалиев, за исключением единственного фрагмента из комплекса Туэкта [22, рис. 43.-8], насколько нам известно, в тюркских памятниках на сопредельных территориях не обнаружено. При этом в отдельных объектах рассматриваемой общности, относящихся главным образом к IX–X вв., найдены удила

с витыми или ложновитыми звеньями [30, рис. 14; 27, рис. 116.-2, 7], которые в ряде случаев имеют восьмерковидные окончания [50, табл. VII.-4; 51, рис. 50.-11; 17, табл. 49.-2]. В целом, удила и псалии такого типа более характерны для памятников кыргызской, сросткинской и кимакской культур [52, рис. 22; 15, рис. 11.-3-4; 53, рис. 91.-1; 42, рис. 20.-4; 48, рис. 63.-1-3, 91.-16, 188.-6, 193.-10-11]. Очевидно, появление подобных изделий у тюрок демонстрирует влияние на них какой-то из обозначенных групп кочевников в последние столетия I тыс. н.э. К несколько более раннему времени относятся гладкие удила с восьмерковидными окончаниями и S-видными псалиями, отнесенные к типу 7. Подобные комплекты не получили широкого распространения в памятниках тюрок Центральноазиатского региона, однако известны в ряде погребений VIII–IX вв. [54, табл. V.-17; 55, рис. 12.-2; 33, рис. II.-4].

Таким образом, в материалах раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии представлены изделия, демонстрирующие вариативность оформления удил и псалиев, а также развитие данного элемента конского снаряжения на протяжении VII–X вв. Заметно отсутствие ранних форм изделий, получивших распространение на ранних этапах развития рассматриваемой общности и известных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона. Наряду с этим зафиксированы комплекты, отражающие влияние на тюрок других групп кочевников в конце I тыс. н.э. Последующее сопоставление результатов анализа предметов конского снаряжения с показателями погребальной обрядности кочевников позволит более подробно рассматривать этнокультурные процессы, происходившие в различных частях Монголии в период раннего Средневековья.

Библиографический список

1. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. — Л., 1927.
2. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. — 1957. — №2.
3. Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. — Улаанбаатар, 1987.
4. Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1999.
5. Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай // Археологийн судлал. — 2005. — Т. XXIII.
6. Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. — 2007. — Т. XXXVII.
7. Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол — Их онгогийн байгалийн цогцолбор газар. — Улаанбаатар, 2016.
8. Баярхуу Н., Торбат Ц., Жискара П.Х. Сыргалийн морьтой оршуулгууд // Археологийн судлал. — 2017. — Т. XXXVI.

9. Эрдэнэболд Л., Ванчигдаш Ч., Бямба-Очир Ц., Одбаяр З., Ариунболд Г. Бишрэлтийн Амны археологийн матлага судалгааны урьдчилсан ур дунгээс // Монголын археологи-2017. — Улаанбаатар, 2017.
10. Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. — 2004. — Т. V.
11. Хурэлсух С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. — Улаанбаатар, 2012.
12. Баярсайхан Ж. Дундад зууны нуудэлчдийн зэр эвсэг // Талын морьтон дайчдын ов соел. — Улаанбаатар, 2014.
13. Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian Archaeological Expeditions 1961–1964 (a Comprehensive Report) // Acta archaeologica. — 1967. — Т. XIX.
14. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн судлал. — 1986. — Т. XI.
15. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965.
16. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. — Новосибирск, 2004.
17. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск, 2005.
18. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск, 2009.
19. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. — 2011. — Вып. 6.
20. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
21. Неверов С.В. Удила второй половины I тыс.н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992.
22. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. — Свердловск, 1990.
23. Могильников В.А. Культурные кольцевые ограды и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994.
24. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. — 2003. — №10.
25. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. — Горно-Алтайск, 1983.
26. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 1997.
27. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. — Новосибирск, 1994.
28. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (Погребения кызылганской и сын-чюрекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М.; Л., 1970. — Т. III.
29. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. — Новосибирск, 2000.
30. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. — 1941. — Вып. 16.
31. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985.
32. Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул, 1990.
33. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. — Вып. 2. — Горно-Алтайск, 1997.
34. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. — Новосибирск, 2003.
35. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган — новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Вып. 1. — Горно-Алтайск, 2003.
36. Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX–X вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. — №1. — Новосибирск, 1979.
37. Садыков Т.Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булун в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. — 2017. — №2.
38. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. — Горно-Алтайск, 1992.
39. Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998.
40. Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. — №5. — Горно-Алтайск, 2000.
41. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск, 2003. — Т. IX, ч. I.
42. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1990.
43. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды Государственного исторического музея. — 1926. — Вып. 1.
44. Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. — 1996. — №3.

45. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. — 2002. — №9.
46. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982.
47. Длужневская Г.В., Семенов В.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990.
48. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. — М., 2002.
49. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. — №24. — М., 1952.
50. Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // Ученые записки ТНИИЯЛИ. — 1954. — Вып. II.
51. Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 114. — 1968.
52. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948.
53. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата, 1987.
54. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М.; Л., 1966. — Т. II.
55. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982.